

В. Г. ЧЕРНУХА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(28 февраля 1859—26 ноября 1862 г.)

Усилиями российских либералов-экономистов в начале 1859 г. был учрежден в рамках Географического общества Политико-экономический комитет, вся организационная структура которого должна была обеспечить гласность его деятельности, открытость для заинтересованных лиц, актуальность научных дискуссий.¹ Но именно эти обстоятельства вскоре встретились с сопротивлением властей, усмотревших в работе Комитета вторжение в сферу компетенции ведомств.

Первое известное по протоколам заседание Комитета (заседания Комитета начались в 1859 г., но сначала протоколы, видимо, не велись) состоялось 10 февраля 1860 г. по поводу кратковременного пребывания в Петербурге известного бельгийского экономиста Г. де Молинали. Однако оно не было парадным, там обсуждался важнейший для капиталистического строя вопрос: об отношении государства к частному предпринимательству, или, как формулировала его повестка дня, должно ли государство стеснять свободу учреждения и операций частных товариществ, ассоциаций и банков. К сожалению, этот протокол предельно краток и из него можно лишь узнать имена выступавших: Г. де Молинали, Ф. П. Литке, кн. В. Ф. Одоевский, В. П. Безобразов, Ф. Г. Тернер, Е. И. Ламанский, кн. В. А. Черкасский и Д. П. Хрущов, председательствовавший в собрании.² Однако, зная их взгляды, можно предположить, что большинство настаивало на свободе предпринимательства.

На предшествовавшем заседанию обеде в честь Молинали бельгийский экономист пожелал своим русским коллегам научной бескомпромиссности: «Вы не должны ни в коем случае, никогда... не отступать от принципов вашей науки, — произнес он. — Правитель-

¹ См. подробно: Чернуха В. Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859—26 ноября 1862 г.) // ВИД. Л., 1989. XX. С. 89—102.

² Вестник ИРГО. 1860. Ч. 28. Прил. С. 16.

ство может быть вынуждено делать уступки различным интересам, даже предубеждениям; вы должны содействовать ему, хотя бы оно шло и медленно, лишь бы в том направлении, которое требует дух нашей науки; но объявить себя удовлетворенными вы можете тогда, когда будет выполнена ваша программа и приложены к делу ваши принципы». ³ Де Молилари отвечали Е. И. Ламанский и В. П. Безобразов, поддержавшие его. Безобразов утверждал, что в России существует меньшая необходимость компромиссов в политике, но подтвердил свое согласие, что и в этих условиях отступления не должны иметь места. «Экономисты, — сказал он, — как люди науки и печати (подчеркнуто в тексте. — В. Ч.) не могут и не должны делать уступок в том смысле, что обязанность их состоит в распространении чистой истины». ⁴

Одной из острейших в это время была проблема получения государственных доходов для «починки» дефицитного бюджета и финансирования преобразований. Основную часть доходов составляли прямые и косвенные налоги. Поэтому в трех заседаниях — 22 февраля, 7 и 21 марта — дебатировалось обложение налогом крепких напитков. Обычно обсуждение строилось по схеме: существо положения, недостатки принятой системы, данные науки, ее рекомендации, европейский опыт и русский региональный (например, Прибалтика, Царство Польское), наиболее целесообразное направление законодательства в этой сфере. Так обстояло дело и на этот раз. В центре внимания были выбор объекта обложения и наиболее удобный порядок взыскания налога. ⁵

В качестве следующей темы также была выбрана налоговая: на этот раз налогообложение купечества. Ее формулировали так: «Какая система налога с торгующего класса соответствует наиболее началам народного и государственного хозяйства и представляется наиболее удобною в своем практическом применении?». Обсуждение происходило 11 и 18 апреля 1860 г. и затронуло подходящий принцип. Однако присутствовавшие посчитали, что подоходное налогообложение должно являться общей мерой и не может применяться лишь к одной категории населения. Основное внимание было уделено специфическим формам налогообложения торговли, и большинство высказалось за отказ в будущем от существующей системы патентного сбора и за переход к обложению «внешних признаков торговой деятельности». На заседании 11 апреля, кроме того, была избрана комиссия для подготовки популярного учебника по политической экономике. ⁶

Заседание 9 мая было последним перед каникулами и началось с информации Безобразова о новых работах по экономике. На этот раз

³ Тернер Ф. Г. Описание обеда, данного г-ну де Молилари в Петербурге 10 февраля 1860 г. // Русский вестник. 1860. Февраль. Кн. 2. С. 304—311.

⁴ Указатель политико-экономических. 1860. Вып. 12. С. 225.

⁵ Вестник ИРГО. 1860. Ч. 28. Прил. С. 16—28.

⁶ Там же. Прил. С. 29—34. — Эти заседания подробно охарактеризованы. См.: Политико-экономический комитет Географического общества // Библиотека для чтения. 1860. Июль. Современная летопись. С. 8—12.

он говорил о появившейся только что статье члена Комитета М. Х. Рейтерна по финансовому вопросу — «Влияние экономического характера народа на образование капиталов»,⁷ — являвшейся частью обширного сочинения, над которым он работал.

На этот раз основной темой обсуждения были преимущества и недостатки системы половничества. Обсуждение происходило незадолго до отмены крепостного права, и участники прений подошли к нему как к системе оживающей, могущей существовать только в условиях «отсутствия капиталов и духа предприимчивости в сельском хозяйстве» и носящей «переходный характер». Они высказались за то, чтобы никакими мерами не влиять на половничество, предоставив его судьбу течению вещей. Тогда же была избрана комиссия для оценки полученных Комитетом из Отделения статистики программ сбора сведений о рабочем классе.⁸

Заседания Политико-экономического комитета возобновились после перерыва 7 декабря 1860 г. Открывая новый сезон работы, его секретарь подвел итоги предыдущего и наметил направления его деятельности в предстоящем. Безобразов, в частности, подчеркнул практическое значение Комитета. «Внимание Комитета, — заявил он, — было преимущественно обращено на финансовые и экономические вопросы, которые независимо от чисто научного их значения заключали в себе интерес практический, и собрания Комитета, служа для взаимного обмена мыслей между людьми, посвятившими себя экономической науке, в то время открыли возможность соединиться для совокупного обсуждения вопросов лицам, занятым ими по своим административным, ученым и также коммерческим обязанностям».⁹

На этом заседании, как и на двух следующих — 17 декабря 1860 г. и 4 января 1861 г., — всесторонне обсуждалась тема бумажных денег. Среди финансовых проблем она была актуальнейшей. Выпуск больших партий кредиток на покрытие военных расходов привел к падению курса рубля и всем связанным с этим неблагоприятным последствиям. Практическая значимость проблемы ясно видна из присутствия на заседании А. Л. Штигица, управляющего только что (май—июль 1860 г.) учрежденным Государственным банком, одним из назначений которого было «упрочение денежной кредитной системы». С тем, что настоящее положение на денежном рынке неблагоприятно, соглашались все выступавшие. Все довольно единодушно видели выход в свободном размене кредитных билетов на звонкую монету, расходясь лишь в сроках осуществления этой меры. Не всегда ход прений позволял сформулировать общий вывод, но на этот раз он был найден: все члены Комитета, говорилось в протоколе, признали «необходимость» размена кредиток на металлическую монету, но только после «принятия некоторых предварительных мер, которым уже и положено отчасти начало в последнее

⁷ Морской сборник. 1860. № 5. Отд. III. С. 55—72.

⁸ Вестник ИРГО. 1860. Ч. 29. Прил. С. 1—2.

⁹ Указатель экономический. 1860. Вып. 52. С. 911.

премия».¹⁰ В заключение председатель поблагодарил гостей за «внесение в среду Комитета тех практических сведений и взглядов, которые принадлежат коммерческому кругу», и выразил надежду на участие их в будущей его работе. Это обсуждение входит составной частью в историю финансовой реформы 1860-х гг., точнее, попытки организовать в 1862—1863 гг. свободный обмен кредиток на золото.¹¹

Темой заседаний 21 января, 8 и 18 февраля 1861 г. был торговый кризис в России и пути выхода из него. На собраниях обсуждались многие ее грани. Спорили о том, являются ли истоки кризиса органическими, или они вызваны Крымской войной, повлиял ли на застой в торговле европейский кризис и вообще изолирована ли экономика России, или она неизбежно попадет под действие европейских экономических процессов, как преодолеть кризис или кризисные явления. Тема живо задевала и бюрократические, и торгово-промышленные круги столицы, а потому собрания были очень многочисленными. Выводы сводились к тому, что «хозяйственные затруднения» России порождены «коренными неудобствами» в положении торговли, и главное средство его исправления — «улучшение» денежной системы, все же остальное явится паллиативами. В резюме отмечалось, что правительственная деятельность по исправлению положения сильно отстает от потребностей дня.¹²

11 и 22 марта и 1 апреля 1861 г. обсуждалась проблема колонизации. На этих заседаниях присутствовал патрон Географического общества вел. кн. Константин Николаевич, было очень много гостей, в том числе и почетных: Н. Н. Муравьев-Амурский, Г. И. Невельской и другие. Рассматривались выгоды и невыгоды колонизационного процесса, его формы, принудительная и стихийная, внутренние возможности и система приглашения иностранных поселенцев, освоение отдельных районов и т. п. Среди многочисленных выступавших был представитель сибирских заводчиков Г. А. Попов, который настаивал на предоставлении им права «приглашать» к переселению людей как из центральных районов страны, так и из других государств. Был выдвинут и такой важный аспект, как крестьянские переселения из малоземельных районов в пустующие. Эта проблема в то время еще не стояла слишком остро, но накалялась на протяжении второй половины XIX в. и стала в конце столетия одним из важнейших направлений аграрной политики самодержавия. Выступил там и Константин Николаевич, попытавшийся ограничить обсуждение проблемой «заселения», не касаясь взаимоотношений центра и окраин («метрополи» и «колоний»)¹³.

Последнее перед летним перерывом заседание Политико-экономического комитета состоялось 8 апреля 1861 г. и было посвящено

¹⁰ Там же. Вып. 54. С. 911—912; 1861. Вып. 2. С. 25—26; вып. 10. С. 116—118; Век. 1861. № 1. С. 3—6; № 5. С. 3—4.

¹¹ Погребинский А. П. Финансовая реформа начала 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 74—88.

¹² Указатель экономический. 1861. Вып. 13. С. 153—155; вып. 17. С. 209—213; Век. 1861. № 7. С. 1—3; № 10. С. 1—4; № 13. С. 2—7.

¹³ Век. 1861. № 15. С. 1—7; № 20. С. 3—7; № 22. С. 2—8.

только что провозглашенной крестьянской реформе. Потому-то там присутствовала бюрократическая верхушка, причастная к ее разработке: председатель Главного комитета по крестьянскому делу Константин Николаевич, председатель Государственного совета Д. Н. Блудов, главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин, министр финансов А. М. Княжевич и его заместитель Н. П. Шигаев, члены Редакционных комиссий, предводитель дворянства П. П. Шувалов и другие. Члены Комитета задались вопросом: как скажутся в дальнейшем принципы, заложенные в фундамент Положений 19 февраля, и в каком направлении следует вести аграрную политику? Обсуждались проблемы барщины, оброка, выкупа, отказа крестьян от паделов, превращения их в собственников (в этой связи всплыла и тема общины), перехода крестьян в другие сословия, преимуществ крупной и мелкой собственности, частного или государственного кредитования покупки крестьянами земли. В. П. Безобразов, обсуждая преимущества крупной поземельной собственности (на примере Англии) и мелкой (на примере Франции) и в каком направлении должна идти Россия, заявил, что дело не в объеме собственности, а в том, как сложатся «отношения между высшими и низшими классами», и что именно Англия дает образец желаемых отношений, «спасающих» от потрясений. И. В. Вернадский высказался за ненарушение правительственной политикой «естественных процессов», ибо «личная самодеятельность» — это «основной экономический закон общества». Много говорилось о выкупе, именно он должен был превратить крестьянина из общинника в собственника. Между прочим, про мечты крестьянина о собственной земле говорил Н. С. Лесков. Мнение считающих, что выкуп выведет крестьянина за рамки поземельной общины, оспаривал революционер-демократ Н. А. Серно-Соловьевич. «Община у нас одно из условий будущего величия России», — такова была исходная точка его рассуждений.¹⁴

После летних вакаций заседания Политико-экономического комитета возобновились 23 октября. Тогда рассматривались организационные вопросы, в том числе и примерный перечень научных проблем, которые предстоит рассмотреть. К обсуждению на сессию 1861/62 г. были намечены темы: 1) о гласности в финансовом управлении; 2) о свободе международной торговли; 3) о причинах неуспеха русских акционерных компаний; 4) об экстренных финансовых способах; 5) о привилегиях за изобретения и открытия; 6) о надзоре за фабриками; 7) о наиболее выгодном извлечении доходов из государственных имуществ.

Уже на это первое заседание была вынесена и дискуссионная тема: о подушном принципе обложения.¹⁵ Тема была неслучайной. В Министерстве финансов изучались разные системы налогообложения, и в 1859 г. там была создана Податная комиссия. Основным налогоплательщиком России в то время было крестьянство, а главной казенной податью — подушная. Ученым и деятелям финансовой ад-

¹⁴ Там же. № 25. С. 2—4; № 26. С. 2—4; № 33. С. 1—5.

¹⁵ Записки ИРГО. 1862. Кн. 2. С. 24—30.

министрации надлежало дать заключение о наиболее рациональном обложении крестьянства прямыми налогами. Проблема была настолько сложна (заметьте мимоходом, что она не была решена ни в 60-х, ни в 70-х гг.), что Комитет занимался ею и на двух следующих заседаниях — 6 и 20 ноября.¹⁶ В результате в итоговой части протокола было записано: Комитет считает, что подушный принцип имеет «крайние недостатки» и подлежит обязательному преобразованию. Комитет предлагал заменить его обложением имущества, причем высказался за всесословное обложение, хотя об этом было сказано очень осторожно: необходимо, чтобы налог на имущества распределялся «возможно равномерно».¹⁷

Заседание 4 сентября 1861 г. было необычайно интересным. В это время в Министерстве финансов готовилось обнаружение государственного бюджета, до того всегда являвшегося тайной для общества. Это была настоящая реформа в финансовом деле, имевшая самое широкое значение. Публикация бюджета была частью широкой темы: «О гласности в финансовом управлении». Для целенаправленности обсуждения были сформулированы и ее аспекты: «1. Какие могут быть последствия, полезные или вредные, от применения гласности к предметам финансового управления. 2. В каких формах, размерах и подробностях полезно или нужно обнародовать официальные сведения по части финансов. 3. Как могут сказаться на деле удобства или неудобства от свободного обсуждения в литературе вопросов, до государственных финансов относящихся. 4. Не должны ли некоторые части финансового управления подлежать государственной тайне, и вообще в какой мере гласность по сему предмету может быть обязательною».¹⁸

На заседании было много приглашенных — 16 человек, в том числе кто-то из Княжевичей, Н. А. Серно-Соловьевич (вскоре, в июле 1862 г., арестованный и погибший в Сибири), М. М. Стасюлевич. Серно-Соловьевич был активнейшим участником дискуссии, выступившим под аплодисменты.

Первым говорил В. П. Безобразов, занявший умеренно-либеральную позицию поддержки гласности, стоявший за то, чтобы не сводить ее к публикации бюджета, но считавший также, что есть сведения (он сослался и на повсеместно принятые секреты частных банков), не подлежащие оглашению. Он всячески доказывал преимущества гласности и был в этом поддержан другими присутствовавшими, считавшими, что это укрепит кредит, поможет распространению русских займов за границей и т. п.

Наиболее радикальным было выступление Н. А. Серно-Соловьевича. Он отверг самую постановку темы в аспекте пользы гласности и заявил, что в настоящее время вопрос должен стоять только так: возможно ли сейчас обойтись без гласности? Причем отвечал на него отрицательно. Он критиковал отступления Безобразова от принципа

¹⁶ Там же. С. 30—52.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 53.

полной гласности и отвергал его ссылки на тайны частных банков, ибо там речь идет о деньгах частных лиц. Когда же дело касается «народных денег», то государство «обязано отчетом в них перед теми, кому они принадлежат». Стало быть, продолжал он, финансовая гласность есть «прямая обязанность правительства». Здесь-то и раздались аплодисменты присутствующих. Серно-Соловьевич ставил вопрос максимально широко. Нужна не только публикация финансовой информации, но необходимо и признание права общества на свободное обсуждение финансовых проблем. Тема участия общества в обсуждении финансовых проблем государства развивалась и другим. Ф. Г. Тернер доказывал, что «общественное мнение может со своей стороны содействовать правительству в разъяснении многих вопросов. Поэтому, лишая общественное мнение возможности обсуждать некоторые стороны нашей государственной жизни. . . правительство лишает себя полезного советника и хорошей опоры».¹⁹ Суждения вышли за рамки широко сформулированной темы и коснулись значения гласности вообще. «Заключение» Комитета гласило: финансовая гласность «сопряжена с важными преимуществами».

Заседанию 18 декабря суждено было стать последним дискуссионным собранием Политико-экономического комитета. В этот день было начато рассмотрение наиболее целесообразных форм эксплуатации государственных имуществ, причем участников особенно интересовало, не выгоднее ли продать или как-то иначе передать их в частные руки и тем самым получить более высокие доходы. Участники дискуссии, не впадая в категоричность и утверждения об обязательной и немедленной их распродаже, стояли на том, что «имущество в частных руках во всяком случае приносит более дохода. . . чем в руках правительства», что распродажа государственных имуществ «всеми» признается резонной, «справедливой» и дело заключается в том, чтобы такая продажа была выгодной для государства. Разгорелись прения, в которых участвовали Н. Х. Бунге, В. П. Безобразов, И. В. Вернадский, Е. И. Ламанский, Ф. Г. Тернер и другие. Дискуссия должна была быть продолжена,²⁰ но в дело вмешалось правительство.

Публикация последнего протокола заседания Комитета заключалась пометой, что обсуждение было приостановлено «по обстоятельствам, от него независящим». А они были таковы.

Деятельность Политико-экономического комитета развивалась все успешнее. В 1859—1861 гг. он был наиболее активной частью Географического общества. Об этом свидетельствует решение членов Комитета от 11 апреля 1860 г. о дополнительном сборе денег на покрытие возросших канцелярских и иных расходов Географического общества, поскольку в этом «повинен» прежде всего Комитет, собрания которого были наиболее частыми и многочисленными.²¹ В отчете Географического общества за 1861 г. о Комитете было сказано, что

¹⁹ Там же. С. 61—62.

²⁰ Там же. С. 69—79.

²¹ Вестник ИРГО. 1860. Ч. 29. Прил. С. 29.

его работа получила «особенное развитие» и что к марту 1862 г., трехлетнюю существования, готовится публикация его итогового отчета.²² Темы его заседаний выбиралась самые животрепещущие, прения привлекали своей непринужденностью и присутствием заинтересованных лиц, пресса немедленно разносила сведения о его действиях. Все это неминуемо должно было вызвать недовольство и возражения той части сановной бюрократии, которая не хотела или не могла действовать в условиях гласности. Эта часть бюрократии настаивала на своей подотчетности лишь императору, на невмешательстве общества в дела политики. Такую точку зрения разделял и Александр II, болезненно отнесшийся ко всему, что касалось его прерогатив. В условиях небывалого подъема революционного и оппозиционного движения 1861 г. с его крестьянскими волнениями, распространенным прокламаций, недовольством дворянства, использованном прогрессивной дворянской и разночинской интеллигенцией всякого рода легальных форм деятельности, вроде литературных клубов, воскресных школ, публичных лекций и т. п., активность Политико-экономического комитета становилась особенно нежелательной для правительства. К тому же пример оказался «заразительным»: П. В. Верпадский создал и возглавил другой Политико-экономический комитет в рамках Вольного экономического общества. 7 декабря 1861 г. он начал свою деятельность как структурная часть III отделения ВЭО.

Столкновение бюрократии и императора с «чрезмерной» активностью Политико-экономического комитета было неизбежным, по инициативу взял на себя министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. В качестве экспертов на заседании были приглашены директор департаментов министерства. Это возмутило его, человека властного, не собиравшегося быть в зависимости от мнения подчиненных. 18 декабря был его докладный день, и он пожаловался (очевидно, устно, ибо среди коллекции всеподданнейших докладов нет записки о Политико-экономическом комитете²³) на то, что Комитет превышает свои полномочия. Один из учредителей Комитета, П. А. Валуев, в это время министр внутренних дел, считал, что Муравьев руководствовался «преимущественно» желанием «сделать неприятность» вел. кн. Константину Николаевичу как президенту Географического общества. Если учесть их неприязнь и столкновения в Главном комитете об устройстве сельского состояния, то этот мотив действий Муравьева не подлежит сомнению. Однако бесспорным представляется и искреннее возмущение Муравьева действиями научного учреждения. Как бы то ни было, доводы министра возымели действие, и 21 декабря 1861 г. на заседании Совета министров Александр II неожиданно поднял вопрос о воздействии на Политико-экономический комитет. М. Н. Муравьев, министр юстиции В. Н. Панин и К. В. Чевкин предлагали просто закрыть Комитет, министр иностранных дел А. М. Горчаков и М. А. Корф считали возможными более

²² Записки ИРГО. 1862. Кв. 1. С. 21.

²³ ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 46, д. 53—55.

мягкие меры, П. А. Валуев объяснил, что произошло «постепенное расширение круга его занятий». Александр II хотел поставить вопрос шире, введя принцип правительственного контроля за созданием и деятельностью всех структурных частей ученых обществ, занимающихся общественно-политическими вопросами. Александру II казалось, что при создании Комитета был нарушен Устав Географического общества. Валуев оказался в щекотливом положении: ему было предложено подготовить проект резолюции и представить справку о деятельности Комитета.²⁴ Составление справки он возложил на Ф. Г. Тернера и В. П. Безобразова. Очевидно, Валуев сказал им о недовольстве Александра II действиями Комитета и о наличии у него сомнений в правомочности Географического общества создавать подобные комитеты.

«Справка о Политико-экономическом комитете в императорском Русском географическом обществе»²⁵ была представлена Валуеву 24 декабря при сопроводительном письме вице-президента Ф. П. Литке.²⁶ Она была краткой, в ней красной нитью проводилась мысль о том, что Географическое общество, как о том говорится в его уставе, который обильно цитировался, имеет не право, а «обязанность» (§ 99) создавать «учебные совещания», «изыскивать средства к возможно высшему развитию своей науки в России» (§ 98), допускать посторонних лиц к научным материалам Общества (§ 6) и распространять в периодических изданиях сведения о действиях Общества (§ 5). Так что с формальной точки зрения удар был парирован. Однако дело было не в формальной стороне, а в том, что ученые слишком глубоко вторглись в сферу политики.

На полях записки Валуев сделал пометы, требующие уточнений. В одной из них он возражал против подчеркивания инициативы Отделения статистики в «учреждении» Комитета, в другой предлагал подробнее охарактеризовать порядок занятий. Существо же возражений Валуева сводилось к тому, что устав имеет в виду не подразделения отделений, а сами отделения и что Комитет узурпировал их права. По его пометам записка была В. П. Безобразовым исправлена и дополнена, и новую ее редакцию²⁷ Ф. П. Литке направил 2 января 1862 г. П. А. Валуеву.²⁸

Совет министров, на котором должна была решаться судьба Политико-экономического комитета, собрался днем 4 января 1862 г. Утром Валуев был у вел. кн. Константина Николаевича, пославшего за ним. В дневнике Валуев зафиксировал лишь самый факт их встречи «по делу о Политико-экономическом комитете».²⁹ Можно предположить, что патрон Общества настаивал на том, чтобы с Комитетом обошлись по возможности мягко. В Совете министров рассматривались справка о Комитете и составленный Валуевым проект резолюции.

²⁴ Валуев П. А. Дневник. М., 1961. Т. 1. С. 134—135.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 66, 1862, д. 37, л. 7—10 об.

²⁶ Там же, л. 5.

²⁷ Там же, л. 11—15 об.

²⁸ Там же, л. 6.

²⁹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 138.

Администрацию и самого царя более всего беспокоили три обстоятельства: 1) выход Комитета за рамки научного, теоретического обсуждения проблем и обращение к делам текущей политики; 2) приобретение Комитетом в глазах общества статуса официального учреждения, как бы императивность его заявлений (чему несомненно способствовало наличие в составе Комитета и в числе приглашенных множества чиновников высокого ранга); 3) широкая гласность его занятий, что настраивало публику на ожидание радикальных экономических преобразований.

Постановление Совета министров имело целью поставить деятельность тех структурных частей научных учреждений, которые, занимаясь общественно-политической проблематикой, до того пользовались независимостью, под правительственный контроль, при этом не вторгаясь слишком уж сильно в автономию ученых учреждений. Эта двойственность отразилась в проекте резолюции. Он состоял из четырех пунктов, предписывавших ученым обществам следующее: 1) при учреждении комитетов «в точности» руководствоваться уставами (этот пункт не содержал ничего нового и был простым напоминанием); 2) на будущее время учреждение таких комитетов должно было происходить не только с согласия советов ученых обществ, которые рассматривали программу комитетов, но и с «особого разрешения» соответствующего министерства (это было уже новацией и ограничением прав научных учреждений); 3) на советы обществ возлагать «наблюдение» за деятельностью комитетов; 4) политико-экономическим комитетам Географического и Вольного экономического обществ предписывалось, «не закрывая ныне существующих» комитетов (в этой фразе, надо полагать, и сказался результат объяснения Валуева с вел. кн. Константином Николаевичем), все же «испросить особые разрешения» на продолжение существования комитетов.³⁰ Вновь принятый закон имел для них обратное действие, ибо на основании п. 2 такое разрешение требовалось лишь при учреждении новых подразделений, в то время как эти были уже созданы на основании прежнего порядка. Император распорядился также от собственной инициативы сообщить председателям ученых обществ об их обязанности наблюдать, чтобы их комиссии и комитеты «не входили в суждения о правительственных мерах, по свойству своему не подлежащих обсуждению».³¹

7 февраля 1862 г. в Политико-экономическом комитете Вольного экономического общества И. В. Вернадский зачитал высочайшее повеление 4 января, включая и распоряжение «не входить в суждения».³² Начавший свою деятельность в условиях чрезвычайных правительственных мер Политико-экономический комитет Вернадского сохранился, в частности, потому, что избрал своим направлением преимущественно хозяйственно-технические проблемы, в минималь-

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 23, л. 55—59.

³¹ Там же, л. 55.

³² Экономист. 1862. Кн. 1. Январь. Смесь. С. 1.

ной степени затрагивающие сферу политики. 8 января 1862 г. высочайшее повеление было «доложено» Совету Географического общества.³³

5 февраля состоялось собрание Комитета Географического общества. В разосланном его членам приглашении говорилось, что в нем будет сообщено «высочайшее повеление 4 января» и обсужден вопрос «о дальнейших действиях». Специально оговаривалось неприглашение посторонних и обязательность присутствия на нем всех членов.³⁴ Протокол этого собрания неизвестен, но последующий ход событий дает основания считать, что тогда было решено продолжить работу Комитета, пройдя процедуру его повторного утверждения. В высочайшем повелении говорилось лишь о представлении программы, но, очевидно, в устных переговорах между Министерством внутренних дел и Географическим обществом от последнего потребовали для начала не программу, а устав («Правила»), излагающий организационные основы Комитета, ибо таковой был представлен П. А. Валуеву при письме Ф. П. Литке от 8 марта. В нем говорилось, что «Правила» одобрены «его императорским высочеством», и подчеркивалось, что они всего лишь излагают тот порядок, которым Комитет руководствовался «с самого его учреждения».³⁵ Тем самым Литке еще раз доказывал, что ни Географическое общество, ни Комитет не отходили от устава и Комитету нет необходимости как-то корректировать его организационные основания.

17 марта Валуев передал «Правила» Политико-экономического комитета в Комитет министров при своем представлении, излагающем всю историю Комитета, включая обсуждения дела в Совете министров. Комитет министров должен был вынести о проекте «Правил» свое заключение, подлежащее утверждению царя.³⁶ После этого началась почти годовая процедура рассмотрения дела. В течение этого времени судьба Комитета была крайне неопределенной, и вряд ли его устроители занимались научными дискуссиями. Проект «Правил» рассматривался в Комитете министров четырежды: 27 марта, 5 июня, 11 сентября и 16 октября 1862 г.

Заседание 27 марта, видимо, лишь мимоходом коснулось дела, ибо его журнал не отразил каких-либо суждений, кроме решения предварительно послать «Правила» на отзыв управляющему Министерством народного просвещения А. В. Головинну.³⁷ Последний сделал некоторую правку, согласовав ее с вел. кн. Константином Николаевичем, о чем уведомил Валуева 13 мая.³⁸ 5 июня Комитет министров в связи с поступлением письменных замечаний на проект нового министра государственных имуществ А. А. Зеленого дело отложил до получения совместного отзыва министров внутренних

³³ Записки ИРГО. 1862. Кн. 2. Действия Общества. С. 79.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 66, 1862, д. 37, л. 56.

³⁵ Там же, л. 2—2 об.

³⁶ Там же, л. 58—58 об.

³⁷ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 2956, ст. 221, л. 765 об.—766.

³⁸ Там же, ф. 1284, оп. 66, 1862, д. 37, л. 61.

дой, народного просвещения и государственных имуществ, а также главноуправляющего III отделением.³⁹

В квадриге министров Валуев играл роль редактора проекта устава Политико-экономического комитета, Зеленый — критика проекта, Головини — умеренного заступника. Шеф жандармов В. А. Долгоруков занял индифферентную позицию, известив Валуева, что не имеет замечаний. § 3 проекта «Правил» предусматривал ежегодное представление примерной программы на утверждение Совета Географического общества. В случае каких-либо сомнений со стороны Совета следовало, говорилось в § 4, согласовать тему с ведомством, «которого предмет сей касается». Зеленый пытался поставить Комитет в еще более жесткие рамки, потребовав от него «общую постоянную программу». Министр народного просвещения парировал это условие доводами о невозможности ученому учреждению заранее определить стабильный долговременный план занятий и о «крайней несправедливости» «еще большего стеснения» работы Комитета, доказавшего как свою «неоспоримую пользу», так и «благонамеренность».⁴⁰

На выработку согласованной позиции ушло лето 1862 г. Напомним, что это было время усилившейся реакции, ареста Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича, длительной приостановки «Современника» и «Русского слова». Поэтому один из центров либерализма, где звучали речи Серно-Соловьевича, вряд ли мог рассчитывать на списхождение. Кстати, в глазах общества В. П. Безобразов был тоже гонимым человеком и возможным кандидатом на расправу. К. Н. Лебедев, чиновник Министерства государственных имуществ и член Географического общества, после ареста революционеро-демократов записал в своем дневнике: «Реакция такая вовсе не страшна, но она печальна, нежелательна тем, что, захватывая каких-нибудь Безобразовых (Владимира), Чернышевских, Соловьевичей, она захватывает и широкий путь распространения знаний, который — вовремя или не вовремя — начал пролагаться и прививаться к мыслям».⁴¹

Если Константин Николаевич или Валуев и рассчитывали спустить дело на тормозах, то это оказалось невозможным как ввиду общей обстановки, так и вследствие позиции Александра II. Когда царю положили (видимо, в августе) на стол список неоконченных Комитетом министров дел, то против дела Политико-экономического комитета он пометил: «Когда будет представлено?». Это послужило основанием для доклада в Комитете министров 11 сентября и отправки министру внутренних дел запроса о сроках окончательного представления дела в Комитет министров.⁴²

Возможно, в это время (весна—осень 1862 г.) и появляется на свет документ, охарактеризованный В. М. Штейном и вслед за ним

³⁹ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 2967, ст. 451, л. 391 об.—392 об.

⁴⁰ Там же, ф. 1284, оп. 66, 1862, д. 37, л. 66—85 об.

⁴¹ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. Март. С. 403.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 2976, ст. 729, л. 98—99.

Л. С. Бергом как «донос» на Политико-экономический комитет. Копия этого документа когда-то хранилась в Архиве Географического общества, была отыскана заведующим Архивом Е. И. Глейбером, но теперь затерялась и известна лишь по публикации В. М. Штейна. Он не привел каких-либо примет документа, поэтому и нет возможности более точно высказаться относительно его происхождения. В нем говорилось, что увеличение членов Географического и Вольного экономического обществ да еще и широкое привлечение на их заседания посторонних лиц придало этим ученым учреждениям характер «древних вече», решающих «судьбы царств и народов». Следствием явилось проникновение туда неблагонамеренных элементов, ведущих пропаганду противоположительных, «разрушительных» идей — «идей коммунизма, демократизма и атеизма». Это была преамбула, за которой следовали обвинения уже непосредственно в адрес Политико-экономического комитета. «К прискорбю, — говорилось в документе, — это проявилось в Географическом обществе, где образовался Отдел политико-экономических наук и учредились парламентские прения по предметам самых чувствительных интересов и государства, и законодательства. Стоит проследить органы этого отдела — журналы „Политико-экономический указатель“ и „Век“, чтобы убедиться в резкости критического разбора финансовой системы и систематическом ослаблении доверенности к правительству по другим отраслям хозяйства и организации империи и постигнуть всю опасность от дальнейшего безнаказанного пустословия, которое, увлекая неопытную пылкую юность, легко может противопоставить верховной власти непреодолимые преграды к осуществлению благотворных соображений и ослабить политическое значение России». ⁴³ В документе говорилось о необходимости ограничить прием членов в научные общества вообще и закрыть Комитет в частности.

Окончательное решение было вынесено Комитетом министров 16 октября 1862 г., но оно означало не завершение дела, а лишь передачу его в другую инстанцию. Министры призвали проект «Правил» заслуживающим одобрения и поручили П. А. Валуеву кураторство над Политико-экономическим комитетом Географического общества, а министру государственных имуществ — над Комитетом Вольного экономического общества. Комитет должен был теперь представить программу своих занятий и утвердить ее на Совете Общества, затем передать ее на утверждение министра внутренних дел. Причем, согласно «положению» Комитета министров, Валуев должен был еще раз изменить и устав Комитета в соответствии с утвержденной программой. ⁴⁴ В журнале Комитета министров из выступлений отмечено только предположение Головинина, считавшего, что программа занятий не сможет предвидеть и охватить все темы, а потому целесообразно постоянно уточнять программу текущих занятий Комитета путем «личных сообщений» (т. е. пере-

⁴³ Известия ВГО. 1945. № 1—2. С. 20.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 2978, ст. 819, л. 253—254.

говоров) министра и вице-председателя Географического общества, в ходе которых министр вносил бы коррективы в планы Комитета.⁴⁵ «Положение» Комитета министров было 30 октября утверждено Александром II.⁴⁶

Таким образом, даже с вопросами организации Комитета еще не было покончено, не говоря уже о том, что его деятельность заранее ставилась в условия постоянного контроля министра, а это серьезно нарушало автономию научного учреждения. Терялся смысл существования Политико-экономического комитета, созданного для свободного обсуждения выдвигаемых самой жизнью наиболее острых финансово-экономических проблем с целью помочь правительству в выработке экономической политики. Это было вечное стремление либералов к сотрудничеству с самодержавием.

Члены Комитета понимали бесперспективность дальнейшей тяжки с администрацией и бессмысленность надежд на свободное обсуждение вопросов в рамках такого контроля. С этим они и собрались 26 ноября 1862 г. на свое последнее заседание. О чем они говорили, остается тайной, но в результате голосования подавляющее большинство — 12 членов против 3 — приняли решение о закрытии Комитета по «бесполезности» дальнейшей работы. Этой резолюции предшествовала пространная объяснительная часть, составленная с большим достоинством. В ней отстаивалась правота Комитета, доказывались полное соответствие первого проекта «Правил» уставу Общества и неправомерность каких-либо требований об их изменении, невозможность представления исчерпывающей программы и проведения жесткой грани между теоретическими и практическими вопросами, неудобство постоянных переговоров вице-председателя с министром и т. д. Словом, на все пункты «положения» Комитета министров был дан ответ. «Действия Комитета, лишенного ученой независимости в выборе предметов и вопросов для своих занятий и исследований, были бы особенно затруднительны», — подводили итог собравшиеся. 5 декабря 1862 г. собрался Совет Географического общества, на котором было зачитано это постановление.⁴⁷ Так закончилась сравнительно короткая, но яркая история существования одной из организаций, возникшей на волне общественного подъема во время первой революционной ситуации и исчезнувшей в момент, когда правительство стало наращивать реакционные меры. Возможно, параллельное существование Политико-экономического комитета и возникших в конце 50-х гг. ежемесячных «экономических обедов», на которых присутствовали те же люди, собиравшиеся с теми же целями, в дальнейшем привело бы к возрождению «обедов», которые всего лишь дублировали заседания Комитета. Но упразднение Комитета заставило передовых русских экономистов прибегнуть к этой неподконтрольной форме деятель-

⁴⁵ Там же, л. 248—252.

⁴⁶ Однако в «Полное собрание законов» «положение» включено не было, как и высочайшее повеление 4 января 1862 г.

⁴⁷ Записки ИРГО. 1863. Кн. 1. Действия Общества. С. 74—75.

ности. Начиная с конца 50-х гг. и вплоть до начала XX в. они собирались раз в месяц в ресторане Донона и в непринужденной обстановке все-таки обсуждали темы финансово-экономической политики.

Вообще же деятельность Политико-экономического комитета помогла консолидации либеральных экономистов, вырабатывавших общие взгляды на существо мер экономической политики и затем проводивших их в своих научных исследованиях, публицистических работах и практической деятельности. Заложённая Комитетом основа экономических воззрений бесспорно продолжала сказываться и в дальнейшем, ибо все члены распущенного Комитета продолжали служить в министерствах, в том числе в министерских должностях (М. X. Рейтерн, Н. X. Бушге, П. А. Валуев), в должности товарища министра (Ф. Г. Тернер, А. Г. Тройницкий) и т. д., и проводить по возможности свои идеи. Это были идеи развития частной предпринимчивости, фритредерства, подоходного налогообложения, европеизма.

М. М. ШУМИЛОВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ КАК ФОРМА ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГУБЕРНАТОРОВ С МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (60—80-е гг. XIX в.)

Во второй половине XIX в. продолжалось развитие и усложнение делопроизводственных взаимоотношений между центральными и местными государственными учреждениями Российской империи. Изучение этих взаимоотношений имеет большой научный интерес, поскольку дает возможность полнее представить сам механизм государственного управления, степень его гибкости и эффективности.

Центральной фигурой в системе местного управления России был губернатор. Он официально считался «хозяином» губернии и главой местной администрации. Губернаторский пост был очень важным и престижным. По меткому определению В. И. Ленина, «губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во „вверенной“ губернии. . .»¹

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе анализа делопроизводственных документов выявить причины введения еженедельных губернаторских записок министру внутренних дел в 1864 г., то значение, которое им придавали в министерстве, и, наконец, отношение самих губернаторов к этой форме отчетности.

Своеобразие служебного положения губернаторов в XIX в. состояло в том, что, с одной стороны, они являлись личными пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 280.